

СОВЕТСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

ISSN 0131-6265

ябрь
кабрь

6 (5) 80

Издается с 1933 г.

Страницы истории

Л. М. Равич

ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕФРЕМОВ

(К 150-летию со дня рождения)

В 50—70-е годы прошлого века русская библиография переживала свой «звездный час». Никогда ни до, ни после этого в течение всего столетия на ее ниве не трудились одновременно столько замечательных работников. В эти годы были созданы работы, вошедшие в золотой фонд изданий отечественной библиографии: «Литература русской библиографии» и «Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях...» Г. Н. Геннади, «Наука и литература в России при Петре Великом» П. П. Пекарского, первый том «Обычного права» Е. И. Якушкина, репертуар русской книги за десятилетие, составленный П. А. Ефремовым в виде каталога книжного магазина И. И. Глазунова, «Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг.» А. Н. Неустроева и многие другие.

Библиографы, сформировавшиеся в 50-х годах, были и книговедами в самом широком смысле этого слова — историками книги, текстологами, редакторами, библиофилами и библиотековедами. Этого требовало тогдашнее состояние книговедения и литературоведения, общая недифференцированность гуманитарных наук. Готовый материал для библиографирования, как правило, отсутствовал, необходимы были сложные разыскания, знание книги по существу. Сложилась так называемая «библиографическая школа», внутри которой отчетливо различались два направления: либеральное (Г. Н. Геннади, М. Н. Лонгинов, С. А. Соболевский, С. Д. Полторацкий) и демократическое (А. Н. Афанасьев, М. Л. Михайлов, В. Е. Якушкин, П. А. Ефремов, В. И. Касаткин).

Редакторы, вышедшие из библиографической школы (и в первую очередь Ефремов), создали тип тщательно прокомментированного издания, снабженного обширными библиографическими материалами, массой примечаний историко-литературного и книговедческого характера. В процессе подготовки собраний сочинений писателей эти редакторы обычно выступали в печати как публикаторы вновь найденных сочинений, как биографы данного автора, составители перечней его произведений и литературы о нем.

Петр Александрович Ефремов представляет собой законченный, можно даже сказать, классический тип библиографа того времени. Он родился 2(14) ноября 1830 г. в семье преподавателя географии Московского университета, большого любителя книг. Учился Ефремов в 1-й московской гимназии и на физико-математическом факультете Московского университета, который окончил со званием кандидата. В середине 50-х годов он переехал в Петербург. Там служил в Военном министерстве, Департаменте уделов, а затем в Государственном банке; в 70—80-е годы был директором Петербургской сберегательной кассы.

Живя в столице, Ефремов не прерывал тесной связи с московскими друзьями, много занимался литературной и библиографической работой. Вскоре после выхода в отставку (1893 г.) он уехал в Москву и про-

жил там около десяти лет. В 1902 г. возвратился в Петербург, где и умер 26 декабря 1907 г. (8 января 1908 г.); похоронен на Новодевичьем кладбище.

С 1900 г. Ефремов был членом-корреспондентом Академии наук по отделению русского языка и словесности. Он был также почетным членом Общества любителей российской словесности и Русского библиографического общества при Московском университете.

Деятельность этого неутомимого труженика, блестяще одаренного человека столь разнообразна, что не может быть даже схематически освещена в одной небольшой статье. Публикации, осуществленные Ефремовым, исчисляются сотнями, подготовленные и отредактированные им сочинения русских писателей в свое время считались первоклассными, причем среди них есть такие, работа над которыми может быть приравнена к гражданскому подвигу: это уничтоженное цензурой собрание сочинений А. Н. Радищева и изданное в пользу дочери казненного поэта собрание стихотворений К. Ф. Рылеева.

Ефремов обладал ярко выраженным литературным дарованием; он был автором блестящих (и довольно злых) пародий, в свое время публиковавшихся на страницах сатирического журнала «Искра» и других прогрессивных изданий. Не так давно переиздана одна из лучших его пародий, высмеивающая псевдоисторические пьесы — «Старец Пафнутий. Трагедия в пяти действиях, с ассамблеею, с пытками, казнями, военными эволюциями, большим сражением, конным ристанием, падением стен, пожаром и разрушением целой области»¹, опубликованная первоначально в «Искре» (1867, № 16).

Громадный интерес представляют письма Ефремова к братьям по библиографии, содержащие массу любопытных мыслей, планов, проектов. Особенно важны его письма к Е. И. Якушкину, с которым его связывала почти пятидесятилетняя дружба. К сожалению, почти все эти материалы не опубликованы.

Предметом отдельной работы может стать тема «Ефремов-библиофил». Свою библиотеку Петр Александрович, выросший в семье книголюба, начал собирать с семи лет. Все, писавшие о библиотеке Ефремова, причисляют ее к выдающимся явлениям отечественной культуры. После смерти собирателя библиотека была частично приобретена Пушкинским домом: ныне там хранятся 24 тыс. томов из нее: прижизненные издания произведений русских писателей XVIII—XIX вв., коллекция альманахов и журналов, справочные издания и т. п. Однако Пушкинский дом упустил едва ли не самое ценное — составленные Ефремовым конволюты (в основном относящиеся к истории русской литературы), каждый из которых является не просто уникалом, но и кладом сведений. Эти книги попали к букинистам и разошлись по рукам. Ефремов обладал также великолепным собранием иконографического материала, которое он продал еще при жизни².

По фондам своей (и отчасти Г. Н. Геннади³) библиотеки Ефремов переиздал журналы и труды Н. И. Новикова: «Живописец» (СПб, 1864), «Трутенъ» (СПб, 1865) и «Опыт исторического словаря о российских писателях». Последнее произведение Н. И. Новикова, весьма важное для истории библиографии, было включено Ефремовым в изданный им

¹ Русская театральная пародия XIX — начала XX века. М., 1976, с. 301—315.

² О Ефреме и его библиотеке см.: Лисовский Н. М. Петр Александрович Ефремов. Крат. биограф. сведения и список его лит. работ. СПб., 1901. 16 с.; Памяти Петра Александровича Ефремова. Сообщ., сделан. на общем собр. Рус. библиогр. о-ва... М., 1908. 40 с., портр.; Адарюков В. Петр Александрович Ефремов. — Казан. библиофил, 1923, № 4, с. 69—78; Шибанов П. П. Друзья книги. — Книга. Исслед. и материалы, 1973, сб. 27, с. 159—162, портр.

³ Об этом см.: Рукописный отдел Пушкинского дома (РО ПД), ф. 357, оп. 3, № 17, л. 1, 3.

сборник «Материалы по истории русской литературы» (Спб, 1867)⁴. В предисловии к сборнику Ефремов дал обстоятельную характеристику новиковского «Опыта...» (исправил некоторые его ошибки, неточности и указал на пропуски). С волнением ожидая откликов на свое издание, Ефремов писал В. Р. Зотову: «Не знаю, получили ли вы, уважаемый Владимир Рафаилович, книгу изданных мною „Материалов для истории русской литературы“... Если ж получили, то не грех ли не сказать ни слова! Все решительно молчат, как будто я сделал не доброе дело, а нечто предосудительное. Не будьте в числе прочих»⁵. Действительно, русская печать не баловала библиографов вниманием. Но вскоре после этого в майском номере «Отечественных записок» за 1867 г. появилась рецензия Н. С. Тихонравова, в которой сборник был подвергнут жесточайшей критике за неудачный, по мнению рецензента, состав. Правда, Ефремов мог утешиться статьей другого видного литературоведа и библиографа, Л. Н. Майкова, похвалившего издание на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» (1867, № 7). История поставила все на свои места: «Материалы...» Ефремова до сих пор используются исследователями, тем более, что ряд опубликованных в сборнике документов с тех пор не переиздавался.

Следует отметить, что переиздать новиковские журналы было не так просто. Например, цензор Ф. Ф. Веселаго писал о «Живописце», что он «не удовлетворяет существующим ныне цензурным требованиям по следующим предметам: 1) отзывается грубо и резко о недостойных дворянах и строго осуждает жестокое обращение их с крестьянами, 2) содержит неприличные, иногда кощунственные отзывы о предметах религиозных и служителях церкви, 3) не совсем уместные выражения о придворной службе, 4) жесткие указания на недостатки военных мест»⁶. Этот любопытный документ не только показывает, с какими трудностями приходилось сталкиваться библиографам, занимавшимся «безобидной стариной», но и свидетельствует о живучести сатиры Н. И. Новикова. Работа Ефремова по ее переизданию шла в русле «похода за Новикова», ранее провозглашенного редакцией «Библиографических записок» (к которой был близок и Ефремов).

Здесь нам представляется уместным упомянуть об одной околонучной легенде. Считается, что в России прошлого века существовали два типа библиофилов — «ефремовского» и «геннадиевского» толка. Первые, будто бы, собирали книги со строгим разбором, вторые же гнались преимущественно за редкостями, независимо от содержания и внутренней ценности издания. Когда именно родилась эта легенда, — установить не удалось; во множестве работ, как популярных, так и научных об этом говорится как о чем-то само собою разумеющемся. Один только Н. П. Смирнов-Сокольский усомнился в этом и писал, что «не редко „ефремовцы“ (да и сам Ефремов) тряслись над какой-нибудь чепухой, а „геннадиевцы“ ловили чудесные книги, на которые „ефремовцы“ не обращали внимания»⁷ (кого именно он причислял к тем и другим, понять, впрочем, невозможно). Между тем, из писем Ефремова Г. Н. Геннади, хранящихся в Пушкинском доме, видно, что первый ценил в собрате по библиографии его библиофильские познания и очень высоко ставил его собрание, которым неоднократно сам пользовался. Надо полагать, что легенда возникла уже после смерти Геннади (1880 г.) и это объясняется скорее всего стремлением «приподнять» Ефремова как человека более левых взглядов (хотя не всегда взгляды

⁴ В сборник вошло, в частности, «Известие о русских писателях», опубликованное в Лейпциге на немецком языке в 1768 г. и перепечатанное вместе с русским переводом в «Библиографических записках» (1861, № 20) М. Л. Михайловым.

⁵ Письмо П. А. Ефремова, 17 марта 1867 г. — РО ПД, ф. 548, оп. 1, л. 1.

⁶ Центр. гос. ист. арх. (Ленинград), ф. 774, оп. 1, д. 24, л. 2.

⁷ Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. 2-е изд. М., 1977, с. 47.

владельца библиотеки непосредственно отражаются на его книжном собрании).

В связи с этим стоит важный вопрос об общественной позиции Ефремова. Надо отметить, что он — почти единственный из русских собирателей, которому не ставились в вину библиофильские занятия даже в те годы, когда эти последние трактовались чуть ли не как реакционные «барские забавы». Ефремова, по-видимому, выручали некоторые известные из его биографии факты и, прежде всего, — участие в Вольной русской печати А. И. Герцена. Об этом знал уже М. К. Лемке со слов самого Ефремова⁸. Однако вопрос о взглядах Ефремова не следует упрощать. П. Н. Берков, например, утверждал, что Ефремов — «...библиограф, в определенной мере близкий по своим общественным и литературным взглядам к Добролюбову...»⁹ Это немаловажное положение ничем не подкреплено, да и мудро было бы его подкрепить. Ефремов, так же, как другие русские «герценовцы», его друзья (В. И. Касаткин, А. Н. Афанасьев, Е. И. Якушкин) не только не был близок к критикам «Современника», но весьма холодно относился к ним, и это было отражением обстоятельно изученной нашей исторической наукой полемики между А. И. Герценом и редакцией «Современника»¹⁰. Тем не менее прогрессивные взгляды Ефремова не вызывают сомнения. Он был подлинным демократом. Его участие в «Библиографических записках» и «Искре», редактирование передового журнала «Книжный вестник», издание сочинений Н. И. Новикова, А. Н. Радищева, К. Ф. Рылеева, — все это красноречиво свидетельствует об его общественной позиции.

Интересным эпизодом, слабо освещенным в нашей специальной печати, была полемика Ефремова с М. Н. Лонгиновым по поводу В. Г. Белинского. Библиографы, сформировавшиеся в 50-е годы, начинали свою творческую деятельность с именем великого критика на устах и считали, что их скромная работа явится детализацией некоторых высказанных им положений. Это относится не только к людям радикальных убеждений, таким, как Ефремов, Е. И. Якушкин или В. И. Касаткин, но и к либералам — Г. Н. Геннади, М. Н. Лонгинову и другим. Так, вышедший в 1859 г. первый том Собрания сочинений Белинского вызвал восторженную реакцию М. Н. Лонгинова, назвавшего критика «гениальной натурой». Но на рубеже 60-х годов началась та эволюция М. Н. Лонгинова вправо, которая привела его в лагерь оголтелой реакции. Это сразу почувствовал Ефремов, когда прочитал помещенную в «Русском вестнике» (1861, № 6) статью М. Н. Лонгинова «Белинский и его лжеученики», направленную против критиков революционно-демократического лагеря. В этой статье еще недавний кумир автора обвинялся в том, что породил невежественных учеников и тем самым принес вред литературе. Распря «Колокола» с «Современником» не помешала Ефремову тотчас ринуться на защиту В. Г. Белинского и передового журнала. В статье «На память будущим библиографам», подписанной псевдонимом Ефремова «А. Эфиров», М. Н. Лонгинов был просто уничтожен: талантливый полемист, Ефремов сумел показать его эволюцию от первых восторженных статей о В. Г. Белинском к клеветническим заявлениям¹¹.

Выступления М. Н. Лонгинова и Ефремова имели большой общественный резонанс; в них, пожалуй, впервые с такой отчетливостью вы-

⁸ См.: Вандалковская М. Г. М. К. Лемке — историк русского революционного движения. М., 1972, с. 67.

Подробно об участии Ефремова в изданиях А. И. Герцена см.: Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966 (по именному указателю).

⁹ Берков П. Н. Русские книголюбы. М.; Л., 1967, с. 209.

¹⁰ Лишь в 70-е годы Ефремов сблизился с Н. А. Некрасовым и был с ним дружен до самой смерти поэта.

¹¹ Отеч. зап., 1862, № 7, отд. Рус. лит., с. 124—128.

явились идейные расхождения внутри библиографического лагеря, до того, казалось бы, единого (ведь М. Н. Лонгинов и Ефремов в конце 50-х годов мирно уживались «под крышей» «Библиографических записок»). Этот эпизод представляется нам важным, так как до сих пор в историко-библиографической литературе мы встречались лишь с попытками провести идейное размежевание по линии «революционные демократы — библиографы», в то время как более плодотворным было бы исследовать разногласия внутри самого библиографического лагеря 50—60-х годов.

Литературно-библиографическая деятельность Ефремова началась в 1858 г. на страницах организованного тогда же журнала «Библиографические записки»¹²; редактор издания А. Н. Афанасьев и ближайший его помощник Е. И. Якушкин стали друзьями Ефремова на всю жизнь¹³. В «Библиографических записках» он поместил 10 статей, содержащих в основном поправки и дополнения к изданиям сочинений русских писателей. Уже здесь Ефремов проявил великолепное знание текстов А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. С. Грибоедова. Особенно велики были его познания в области потаенной или «непечатной», как тогда говорили, литературы. Подавляющая часть публикаций Ефремова с громадным трудом прорывалась сквозь цензурные рогатки; те же материалы, которые не было возможности опубликовать в России, нашли место на страницах «Полярной звезды» А. И. Герцена. Эта сторона деятельности Ефремова обстоятельно разработана Н. Я. Эйдельманом, и мы отсылаем читателя к его увлекательным книгам «Тайные корреспонденты „Полярной звезды“» (М., 1966) и «Герцен против самодержавия» (М., 1973).

Особенно велика роль Ефремова в русской «пушкиниане». Он много сделал для разыскания неизвестных ранее или обнародования запрещенных до того пушкинских текстов, установил ряд подлинных произведений поэта и доказал, что некоторые печатавшиеся в собраниях сочинений стихотворения не принадлежат его перу. Большой интерес в этом отношении представляет переписка Ефремова с Евгением Ивановичем Якушкиным и его сыном Вячеславом Евгеньевичем, известным пушкинистом¹⁴. Пушкиноведческие работы Ефремова насчитывают несколько десятков названий. Значительное место среди них занимает обзор «Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях»¹⁵.

Весьма весом вклад Ефремова в создание персональных указателей, посвященных другим русским писателям. В выпущенных под его редакцией собраниях сочинений — А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, А. Д. Кантемира, В. И. Лукина, В. И. Майкова, К. Ф. Рылеева — помещены составленные им обширные библиографические указатели. Их созданию предшествовала многолетняя работа исследовательского характера.

Составление прикнижных библиографических указателей произведений русских писателей и литературы о них было подлинным «распахиванием целины»: Ефремову приходилось производить сложные и кро-

¹² В 1857 г. по материалам Ефремова в отделе «Библиографические записки» пятого номера журнала «Современник» (отдел вел М. Н. Лонгинов) было напечатано сатирическое стихотворение начала XIX в. «Разговор в царстве мертвых».

¹³ Переписка Ефремова с ними продолжалась до смерти каждого из них.

¹⁴ Письма Ефремова хранятся в ЦГАОР СССР, фонде Якушкиных, ответные — в рукописном отделе Пушкинского дома; последние сохранились далеко не полностью.

¹⁵ Новое время, 1903, 2 авг., № 9845; 8 авг., № 9851; отд. отт. Спб., 1903. 46 с.

Указатель работ Ефремова и осуществленных им публикаций произведений других авторов, составленный Н. М. Лисовским и помещенный в его книге «Петр Александрович Ефремов» (Спб., 1901) далеко не полон; более полных указателей трудов Ефремова нет. Число пушкиноведческих статей и заметок Ефремова настолько велико, что здесь нет возможности перечислить даже важнейшие из них. Они учтены в библиографических пушкинианах XIX в.

потливые разыскания, просматривать огромное количество журналов и газет, альманахов и сборников. Созданные Ефремовым персональные библиографические пособия представляют большую ценность и поныне могут быть с успехом использованы в справочно-библиографической работе¹⁶.

Прежде всего назовем обширный указатель, посвященный Ф. И. Фонвизину¹⁷. В нем перечислены сочинения, письма и переводы Д. И. Фонвизина, издания его произведений, статьи о писателе и его творчестве. Для того времени указатель был весьма полным. Целый ряд писем Д. И. Фонвизина был впервые опубликован Ефремовым.

Особняком стоит указатель, приложенный к подготовленному Ефремовым и уничтоженному цензурой собранию сочинений А. Н. Радищева¹⁸. Это был первый в России исчерпывающий указатель изданий произведений А. Н. Радищева и литературы о нем. Несмотря на то, что издание в свет не вышло (оно было сожжено; Ефремову удалось спасти лишь 15 экз.), указатель был известен библиографам, во всяком случае, знакомым с Ефремовым. Через четыре года после сожжения издания известный ученый и общественный деятель, внук декабриста В. Е. Якушкин писал Ефремову: «В нынешнем году я буду работать для сочинения, которое озаглавлю «А. Н. Радищев и его эпоха». При этом я пользуюсь тем неоценимым даром, который вы несколько лет назад сделали моему отцу. К находящемуся там библиографическому списку я в настоящее время могу сделать следующие дополнения...»¹⁹ (далее следует список произведений, посвященных А. Н. Радищеву, которые вышли в свет после 1872 г.). Это письмо лишний раз свидетельствует о тесном содружестве библиографов прогрессивного лагеря, когда работа одного становилась достоянием всех.

Ефремовым составлены также перечни произведений писателей XVIII в. Б. Е. Ельчанинова и В. И. Лукина, приложенные к его же изданию их сочинений²⁰. Тут Ефремов выступил как первооткрыватель, что в данном случае было особенно трудно, так как речь шла о второстепенных писателях.

Обширным указателем снабжен изданный Ефремовым двухтомник сочинений А. Д. Кантемира²¹. Правда, здесь работа была не столь сложной — библиографированием произведений этого писателя в те годы занимались многие библиографы, в том числе Г. Н. Геннади, делившийся своими материалами весьма охотно. Однако указатель Ефремова важен как первый полный свод изданий произведений А. Д. Кантемира и литературы о нем.

Не менее значительной была деятельность Ефремова по составлению библиографических указателей, посвященных писателям XIX в. О его вкладе в пушкиноведение мы уже говорили. Скажем несколько слов и о трудах, посвященных другим авторам.

Одним из самых любимых писателей Ефремова был М. Ю. Лермонтов. Еще в молодости Ефремов начал заниматься собиранием сведений

¹⁶ Шесть указателей учтены в кн.: Кандель Б. Л., Федюшина Л. М., Бенина М. А. Русская художественная литература и литературоведение. Указ. справ.-библиогр. пособий с конца XVIII в. по 1974 г. М., 1976 (см. № 1060, 1096, 1263, 1268, 1471, 1801).

¹⁷ Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы. Спб., 1866, с. 662—691.

¹⁸ Радищев А. Н. Сочинения. Спб., 1872, т. 2, с. 417—424.

См. также: Накорякова К. М. П. А. Ефремов — редактор сочинений Радищева. — Книга. Исслед. и материалы, 1972, сб. 25, с. 166—178.

¹⁹ Якушкин В. Е. Письмо П. А. Ефремову. 7 окт. 1877 г. — РО ПД, собр. Ефремова. 2484. VIII м. 76, л. 1.

²⁰ Лукин В. И., Ельчанинов Б. Е. Сочинения и переводы. Спб., 1868, с. 491—512.

²¹ Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы. Спб., 1868, т. 2, с. 441—460.

о жизни и творчестве поэта и затем постоянно разыскивал его автографы, публиковал неизвестные тексты, интересовался иконографией. Результат этого увлечения, длившегося всю жизнь, — целая серия публикаций, редактирование собрания сочинений, создание библиографического указателя. Приложенный к изданию произведений М. Ю. Лермонтова, этот указатель был первой в России работой в области библиографирования лермонтовских текстов²². Статьи же о поэте были представлены в нем с исчерпывающей полнотой. Заметим, кстати, что указания Ефремова на сомнительную принадлежность ряда текстов Лермонтову были почти всегда верными и подтверждены данными современного литературоведения.

Ценными библиографическими материалами снабжены изданные Ефремовым собрания сочинений В. И. Майкова (Спб, 1867) и А. И. Полежаева (Спб, 1889). Особо следует отметить работу, в которой учтены искаженные и неполные издания «Горя от ума»: это первый в России указатель такого рода²³.

В течение ряда лет Ефремов усиленно разыскивал (и, по возможности, публиковал) сочинения и письма К. Ф. Рыльева. На страницах русских подцензурных изданий ему удалось обнародовать множество материалов, касающихся поэта-декабриста и его произведений, ранее не печатавшихся (оду «Гражданское мужество», несколько «Дум», письма и другие важные документы). Наконец, в 1872 г. Ефремову удалось добиться разрешения на выпуск собрания стихотворений Рыльева. Драматическая история этого издания уже освещалась нами на страницах «Советской библиографии»²⁴, и мы не будем ее повторять. Отметим лишь, что и оно было снабжено библиографическим указателем и примечаниями²⁵. Для характеристики отношения Ефремова к Рылеву приведем фразу из его письма к Е. И. Якушкину от 12 января 1871 г.: «Каюсь, я так черств душою, что высокое поэтическое достоинство и все шесть томов Пушкина отдал бы за томик Рыльева»²⁶. Конечно, это было написано в запальчивости, но высказывание характерно как показатель высочайшего уважения библиографа к борцам за свободу.

Итак, вклад Ефремова в литературную библиографию весьма значителен: он был автором целого ряда персональных указателей, в которых, как правило, выступал первооткрывателем и которые до сих пор не потеряли справочного (а в некоторых случаях и методического) значения.

В 1867 г. в Петербурге была издана «Систематическая роспись книгам, продающимся в книжном магазине Ивана Ильича Глазунова... Составлена за последнее десятилетие (1855—1866)...». Эта «роспись» выгодно отличалась от подобных изданий не только полнотой, но и строго выдержанным систематическим расположением материала (по дробной схеме классификации) и алфавитным указателем имен авторов, переводчиков и редакторов, имевшим самостоятельное справочное значение. Составил каталог, как в скором времени стало известно, П. А. Ефремов. Это настолько удивило библиографов, что он вынужден был давать объяснения. Так, в письме к С. И. Пономареву, Ефремов писал: «Начал и окончил его я (каталог. — Л. Р.) чисто с библиографической целью, но на печатанье потребовались такие суммы, что я отдал все Глазунову»²⁷. Таким образом, каталог создавался с библиографической целью. Что же это за цель?

²² Лермонтов М. Ю. Сочинения. 3-е изд. Спб., 1873, т. 1, с. 382—392.

²³ Библиогр. зап., 1861, № 13, стб. 387—394.

²⁴ Равич Л. М. Русские библиографы в борьбе за наследие декабристов. — Сов. библиогр., 1976, № 2, с. 37—48.

²⁵ Рылев К. Ф. Сочинения и переписка. Спб., 1872, с. 351—382.

Библиографические материалы помещены также во 2-м издании (Спб., 1874).

²⁶ ЦГАОР, ф. Якушкиных, оп. 1, ед. хр. 552, л. 57.

²⁷ Письма... к библиографу С. И. Пономареву. М., 1915, с. 81.

С середины 50-х годов XIX в., в обстановке общественного подъема, начавшегося после смерти Николая I, вновь встал вопрос о создании полного репертуара русской книги. Напомним, что после В. С. Сопикова, умершего в 1818 г., никто не пытался продолжить его работу, тем более, что во времена «Незабвенного» (как иронически именовали Николая I), получить исчерпывающие сведения о выходящих в империи книгах было фактически невозможно из-за множественности цензурных учреждений и отсутствия единого центра, в котором сосредоточивались бы сведения о новых изданиях. Между тем необходимость полного библиографического свода книг, вышедших в России, для любой научной работы ощущалась с большой остротой. Было совершенно ясно, что при быстром росте количества ежегодно издаваемых книг единоличная работа над репертуаром уже невозможна. Г. Н. Геннади в «Литературе русской библиографии» (1858) обратился к коллегам с призывом объединиться для создания такого труда. Высоко оценивая «Опыт российской библиографии» В. С. Сопикова, он все же считал, что работу следует произвести заново и создавать свод отечественной печатной продукции *de visu*, а не по указателям. Его призывы в то время остались без ответа. Некоторые библиографы пошли по пути создания библиографических сводов за более короткие сроки, например, за десятилетие, пятилетие, даже за год. Вполне очевидно, что указатель, составленный Ефремовым «с чисто библиографической целью», явился одной из попыток в какой-то мере удовлетворить общественную потребность в репертуаре русской книги.

Хронологический период, выбранный Ефремовым, представляется нам весьма удачным. Это время — от начала нового общественного подъема до введения цензурного устава 1865 г. — было относительно благоприятным для печати (новый цензурный устав обещал всевозможные блага, однако после выстрела Каракозова в 1866 г. они были сведены на нет). Книги более ранних лет, а также издания последнего полугодия перед выходом «Систематической росписи...» в свет, очевидно, попали в каталог при «доведении» его для книготорговых целей. Работа Ефремова весьма представительна, хотя исчерпывающей ее назвать нельзя. Этого просто невозможно было достичь при тогдашнем плачевном состоянии текущей библиографии в России и неполноте обязательного экземпляра, получаемого Публичной библиотекой.

Следует также отметить, что любой библиограф, который взялся бы в то время за составление работы репертуарного плана, неизбежно должен был столкнуться с полной неразработанностью методических принципов такой работы. Нерешенными были такие важные проблемы, как языковые и географические границы репертуара, не говоря уже о менее существенных вопросах. Тут не выручал и опыт зарубежных библиографов, который был хорошо известен в России. Для отечественной книги, многонациональной, во-первых, и в силу политических причин нередко издававшейся за рубежом, во-вторых, нужны были особые решения и подходы. Каждый библиограф искал их самостоятельно. Так, например, если В. С. Сопиков отражал только книги на русском и старославянском языках (но зато в чрезвычайно широко понимаемых географических границах), то Г. Н. Геннади в своем «Справочном словаре о русских писателях и ученых...» (близко примыкающем к репертуару) учитывал весьма широко и зарубежные издания на русском языке. Ефремов не мог по цензурным условиям (словарь Геннади издавался в Германии) указывать запрещенные зарубежные издания. Поэтому он ограничился книгами, вышедшими в России только на русском языке. Ефремов учел, в частности, издания Академии наук и Синода, что требовало специальных разысканий, ибо печатная продукция этих учреждений не проходила общую цензуру и не фиксировалась даже в составляемых для внутреннего пользования цензурных списках.

Учитывая сказанное, следует признать, что в пределах поставленной задачи каталог, подготовленный Ефремовым, выполнен превосходно. Все писавшие о нем, включая не склонного к похвалам Н. В. Здобнова, называют этот каталог выдающимся библиографическим трудом. До сих пор он остается незаменимым справочным пособием, и останется таковым, пока не будет издан хотя бы сводный каталог русской книги XIX в.

Ефремов составил для И. И. Глазунова также два прибавления к каталогу. Первое отражает книги за вторую половину 1867 г. и 1868 г. Второе, имеющее громадное значение, — за целое пятилетие (1869—1873). Оно отличается исключительной полнотой: кроме книг указаны также малотиражные брошюры, оттиски, как правило, не поступавшие в продажу, так что и этот каталог является книготорговым лишь по названию. Кроме указателя имен, которым были снабжены основное издание и первое прибавление, здесь дан и указатель заглавий, что, естественно, делает пособие еще более удобным для наведения справок. Таким образом, Ефремов создал свод русской книги почти за двадцать лет. Это одно обеспечило бы ему почетное место в истории отечественной библиографии.

В начале 1862 г. «Библиографические записки», изнемогая под гнетом цензурных репрессий, прекратили свое существование. В. И. Касаткин стал политическим эмигрантом, А. Н. Афанасьев был привлечен к суду по делу о сношениях с лондонскими пропагандистами, М. П. Полуденский был смертельно болен, Е. И. Якушкин уехал на постоянное жительство в Ярославль. Московский кружок библиографов перестал существовать. Но как раз в это время в Петербурге собрались несколько человек, ранее активно сотрудничавших в «Библиографических записках» — Ефремов, Н. В. Гербель и В. П. Гаевский. Связывала их и общая работа по опубликованию запрещенных русской цензурой произведений за рубежом, в частности в изданиях А. И. Герцена. Эти люди решили продолжить выпуск «Библиографических записок» своими силами. К ним присоединился опытный в издательских делах В. Р. Зотов, и ранее интересовавшийся проблемами библиографии. Их переписка²⁸ сохранила перипетии этого дела, которому не суждено было осуществиться; ни у кого из названных лиц не было средств на издание, а мецената они не нашли.

В то время (1863 г.) в Петербурге уже четвертый год издавался «Книжный вестник» — журнал совсем иного типа, чем «Библиографические записки», но все же библиографический, и когда его издатель Вл. С. Курочкин (к которому журнал перешел в середине 1864 г.), предложил Ефремову стать редактором, тот с охотой согласился. Эта новость обрадовала и библиографическую общественность. «Очень рад, милейший из редакторов, что Книжный вестник попал в Ваши руки, в которых ему давно следовало быть», — писал Ефремову В. П. Гаевский²⁹.

Ефремов редактировал «Книжный вестник» недолго — с середины 1864 г. до конца 1865 г., но успел сделать немало для превращения журнала в серьезное библиографическое издание. Прежде всего он постарался привлечь к сотрудничеству своих соратников по «Библиографическим запискам»: А. Н. Афанасьева, В. П. Гаевского, Н. В. Гербеля, М. Д. Хмырова, К. Н. Бестужева-Рюмина; просил быть активным корреспондентом Г. Н. Геннади³⁰. Вместе с тем Ефремов отказался от услуг В. И. Межова, методы работы которого были ему в высшей сте-

²⁸ РО ГПБ, арх. В. П. Гаевского, № 86, л. 1; РО ПД, арх. В. Р. Зотова, ф. 548, № 116, л. 1.

²⁹ Цит. по кн.: Винер Е. Н. Библиографический журнал «Книжный вестник» (1860—1867). Л., 1950, с. 107.

³⁰ Винер Е. Н. Указ. соч., с. 108.

пени чужды. В журнале печаталось много материалов самого Ефремова, но, к сожалению, его статьи, особенно небольшие рецензии, как правило, публиковались без подписи, так что теперь установить его авторство очень трудно.

Пристальное внимание было обращено на компетентное рецензирование книг по гуманитарным наукам (это не исключало, конечно, отзывы на издания по другим отраслям знания и художественные произведения). «Я озабочусь, — писал редактор, — чтобы отзывы о книгах состояли не из фраз, а заключали основательную и правдивую оценку разбираемой книги»³¹. Ефремов упорядочил и текущую библиографическую информацию, помещавшуюся на страницах журнала, сделал ее более оперативной. В связи с этим В. П. Гаевский писал ему: «„Книжный вестник“ значительно похорошел в ваших руках, как и следовало ожидать»³².

В обстоятельном исследовании, посвященном «Книжному вестнику», Е. Н. Винер убедительно доказала, что при Ефреме журнал придерживался радикального направления, несмотря на заявления редакции о том, что это издание не является органом какой бы то ни было литературной партии³³. Полностью присоединяясь к мнению автора, заметим, что революционно настроенные Н. С. Курочкин, Н. К. Михайловский, Н. Д. Ножин, В. А. Зайцев, принявшие от Ефремова «Книжный вестник», не считали направление журнала достаточно радикальным, но не потому, что им не нравилась общественная позиция Ефремова, — к нему они относились с величайшим уважением, — а потому, что они считали библиографию в принципе делом «мертвенным» и мечтали превратить журнал в «боевой критический орган»³⁴. Нам представляется, что такая позиция редакции (независимо от правительственных репрессий) способствовала прекращению «Книжного вестника»; во всяком случае, сразу после ухода Ефремова тираж журнала стал падать³⁵.

Лишившись своего редакторского поста, Ефремов не оставлял мысли о новом журнале. В 1867 г. он писал С. И. Пономареву: «Затеянный мною „Библиографический вестник“ (12 тетрадей) мною „не мог быть“ редактирован. Теперь хлопочет об этом Н. В. Гербель»³⁶. Ясно, что Ефремов не был утвержден Главным управлением по делам печати (об этом красноречиво свидетельствуют иронические кавычки), но и Н. В. Гербель тоже „не прошел“. Оба они имели репутацию смутьянов, и, хотя их деятельность как корреспондентов А. И. Герцена не была известна властям, редакторские должности (после выстрела Каракозова) были для них заказаны.

Прожив долгую жизнь и пережив многих своих собратьев по библиографии, Ефремов изредка выступал с воспоминаниями о них. Он написал прочувствованный некролог А. Н. Афанасьева, где рассказал об этом замечательном, рано умершем человеке, с которым были связаны лучшие годы его жизни. Он почтил память другого своего товарища — библиографа и библиофила М. Д. Хмырова, а также известного собирателя Д. А. Ровинского. Писал Ефремов и о библиографах старшего поколения. В газете «Наше время» он опубликовал «Библиографическую заметку к материалам для жизнеописания К. Ф. Калайдовича», в газете «Голос» — статью о библиотеке В. Г. Анастасевича. Много сделал Ефремов для увековечения памяти Н. И. Новикова, выступив в 1868 г. с призывом достойно отметить 50-летие со дня смерти замеча-

³¹ Винер Е. Н. Указ. соч., с. 112.

³² Там же, с. 113.

³³ Там же, с. 114.

³⁴ Там же, с. 145—146.

³⁵ Подробнее об этом говорится в указанной книге Е. Н. Винер (с. 131—136).

³⁶ Письма... к библиографу С. И. Пономареву, с. 81.

тельного деятеля русской культуры, а затем приняв активное участие в самом юбилее³⁷.

Во множестве рецензий на книговедческие и собственно библиографические труды Ефремов часто высказывал свое «библиографическое кредо». Особенно важен отзыв о работах В. И. Межова, которого он, на наш взгляд, справедливо упрекал в незнании содержания книг и работе по одним лишь заглавиям³⁸. Сам Ефремов работал только *de visu*, как и его друзья А. Н. Афанасьев, М. П. Полуденский, Е. И. Якушкин и другие.

Мы рассказали лишь о некоторых сторонах деятельности замечательного русского книжника. Место, занимаемое им в истории отечественной библиографии, дает ему право на благодарную память потомков.